

ПО ПОВОДУ «АПОФЕОЗА БЕСПОЧВЕННОСТИ» Л. И. ШЕСТОВА*

Этот первенец большого русского мыслителя и писателя, первенец, ныне переизданный издательством «ИМКА-пресс» — восхитителен, и продолжает пленять наши сердца, как и «на заре туманной юности». Собственно говоря, если бы всерьез писать по поводу этого первенца Л. Шестова, то пришлось бы писать предисловие-пролог и послесловие-эпилог, размером значительно превосходящие рецензируемое произведение.

Всем нам с юношеских лист, если только мы были воспитаны в строгих правилах настоящего философского мышления, всем нам, приступившим к изучению нового малоизвестного (или вовсе неизвестного) автора хотелось, чтобы об этом авторе уже шла неясная, но довольно громко звучавшая молва, как о будущем украшении и русской, и мировой философии. Читатель серьезных философских (по-настоящему философских!) книг — требователен. И вот нас, киевскую молодежь, собиравшуюся отведать высших гуманитарных знаний, или уже их отведавших в порядке самообразовательном, ошеломили тем же самым восклицанием, каким некогда ошеломил Роберт Шуман читателей своей «Новой музыкальной газеты»: — Шляпы долой! Перед вами — гений!

«Апофеоз беспочвенности» прежде всего означает полную беспрепосылочность, свободу не только от всякого рода вводных суждений и общеобязательных предварительных данностей и обязательных к принятию ценностей. В те времена, когда писался «Апофеоз беспочвенности» это был смелый скачок в неизвестное, с исканием таких ситуаций, которые могли бы быть связаны с вызовом по адресу общепризнанных «величин» или, говоря решительнее, «интеллектуальных величеств».

* Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности. ИМКА-Пресс. Париж. 1972 (302 стр.).

Известно, что храбрость и всякое дерзание вообще всегда принимались и почитались со всевозможного рода оговорками и ограничениями. Но если таких оговорок и ограничений автор не только не налагал на себя, но и сам «бомбой небывалой» влетел в общество красно-розовых «паниек», то всевозможного рода Скабичевские, Лесевичи, Троицкие и проч. просто не знали, что им говорить по поводу таких вещей как антипозитивистическая диссертация Вл. Соловьева и, тем более, «беспринципная» бомба Льва Шестова... бомба, от которой упали сердца у многих «прогрессистов».

Правда, беспредпосылочность Льва Шестова была беспредпосылочностью совсем особенного сорта, то есть такую, в которой нуждались люди, могшие при случае расправить для полета свои орлиные крылья. Кроме того, не надо забывать еще и того, что «беспредпосылочность» автора «Апофеоза беспочвенности» совсем не означала и не означает философского метафизического нигилизма и не желания иметь под ногами твердую *метафизическую* почву. Почву эту Л. И. Шестов отлично знает и имеет ес. И стоит он так твердо метафизически, как, может быть, стояли только одни св. учителя и отцы Церкви. И это по той причине, что как у тех, так и у Льва Шестова такой почвой было Св. Писание. А кто с ним сдружился, да еще так сдружился, как Л. И. Шестов, тот может быть уверенным, что свой философско-метафизический дом он воздвигает не на песке, но на незыблемом граните.

Однако у Л. И. Шестова имелся еще в распоряжении и другой превосходный материал, с которым он знал как обходиться и умел обходиться как никто. Материалом этим была древняя античная культура, греко-римские классики, которых он знал до тонкости, до последней строки. Правда, он с ними порой полемизировал, так же как полемизировал с германской философией — с Кантом, Фихте, Гегелем, Гуссерлем, Гайдеггером и др. Но Л. И. Шестов принадлежал к того рода философским авторам, которые *делают* честь тому, с кем «изволят» полемизировать.

Все творчество Л. И. Шестова поражает своей монолитной цельностью и вековым упорством, незыблемой устойчивостью. Именно поэтому этого изумительного мастера философско-диалектической полемики придется наименовать единственным в своем роде: — «Восстань, пророк! И виждь и виши... Глаголом жги сердца людей!»

Несомненно, что Льву Шестову все время приходится заглушать голоса, уж слишком громко звучащие на протяжении всей истории философии. Но это всегда во имя Божие и во имя слова Божия. Ни Господь Бог, ни Его Слово ни в базе, ни в поддержке не нуждаются, сами будучи всему базой и поддержкой. Всю свою жизнь великий философ-богослов только доказательством и раскрытием этой истины и занимался. И совершенно ясно теперь, почему на заре своей монотематической мысли Л. И. Шестов занялся темой «апофеоза беспочвенности»: *большому мыслителю и слуге Бога живого в философии и метафизике было дано великое послушание и поручение: расчистить почву для слова Божия.*

Великий мыслитель выполнил это послушание-поручение с такой блестательной силой и глубиной, что нам остается только склониться перед мастерством и, воистину, благочестием, с которым это было сделано.